History and society

Тарих һәм җәмгыять

История и общество

DOI: 10.26907/2311-2042-2020-15-2-81-92

ZAKIR KHADI: THE ROLE OF TATAR MADRASAHS IN HIS LIFE AND WORK (1863–1933)

Marat Abyasovich Safarov,

Institute of Economics and Management in Industry,
8 15th Parkovaya Str., Moscow, 105203, Russian Federation,
safarov84@mail.ru.

It was with great interest that Tatar readers met the story “Jigansha Hazrat” by Tatar writer Zakir Khadi (1863–1933). Success accompanied other works of the writer. The work of Zakir Khadi was highly appreciated by Gabdulla Tukay, Fatih Amirkhan and his other outstanding contemporaries.

This paper focuses on Zakir Khadi’s wanderings: the places he visited – from the Ufa to Ryazan provinces, which are also of interest as the areas of the Tatars’ settlement. Having become a professional prose writer, Zakir Khadi remained closely associated with the system of Tatar new- method education. The ideological orientation of Zakir Khadi’s works, which were in the mainstream of Tatar educational realism, was determined by his belonging to the Jadid intelligentsia.

Key words: Zakir Khadi, Tatar literature, madrasah, Kasimov, Jadidism.

Zakir Khadi (Zakir Mukhamedgadeevich Gadeev) was born into a peasant family in March, 1863, in the village of Eremkino (Yarəmkə) of the Belebeevsky district, the Ufa province (now the Sharansky district of Bashkortostan). His father mastered literacy skills independently, in the winter he taught village children in the mekteb, and in the summer he was engaged in arable farming and beekeeping. It was his father who taught Zakir the Arabic alphabet and encouraged his son to continue his studies and get an education. From 1875, Zakir studied at the famous madrasah in the village of Tumutuk, the Bugulma district in the Samara province. In this large Aznakayev village, Shakird Zakir met the main teacher of his life – the progressive teacher Khusnulgata Murataev. He would

become a true mentor for Zakir, instilling in him a love of reading. The newcomer teacher, influenced by the writings of Mardjani, did not confine himself to religious subjects, but also taught secular sciences to shakirds. It was Murataev who determined the young men’s choice in favor of the teaching profession.

In 1885, after almost ten years of staying in the Tumutuk madrasah, Zakir Khadi decided to break out of the usual rural world and left for Nizhny Novgorod, for the fair, which the Tatars called Makaryevskaya (Məkarjə ярминкәсе). Here, Zakir wanted to get acquainted with the Tatars who could show him a place for his further education. It was impossible to exist in a large provincial city on modest money sent from home, so Zakir worked in

a tannery for several years. There, he learned about the Kastrovsky madrasah, located in Kasimov, where teaching was carried out according to the new method. This madrasah would become fateful in the writer's life.

The second half of the 19th century is considered to be a special period in the history of the national revival of the Tatars from the Ryazan and Tambov provinces (it was on this territory that the Kasimov Khanate was once located). The merchant town of Kasimov became one of the centers of Tatar culture. The Kastrovsky madrasah was founded much earlier, in 1808, through the efforts of Abdolvakhit Ismagilovich Davlikamov, the imam-khatyb of the Khan mosque in Kasimov, with the material support of the wealthy parishioners of the Khan mosque, the Shakulovs among them. Holding the position of imam-khatib at the Khan mosque for more than a hundred years, the Davlikamov dynasty directed the activities of the madrasah.

The founder's son, Fazlulla Abdolvakhitovich Davlikamov, who was elected the second imam of the Khan mosque in 1827, played a special role in the development of the madrasah. The main goal of the mudarris was, in his own words, "... teaching the useful sciences to youth, who otherwise would be left without enlightenment and knowledge of religion and a well-behaved life necessary for humanity, but who would ossify in ignorance and immorality, without clear knowledge of the Supreme Creator of the Universe, his creations and themselves ..." [Safarov, p. 133].

Initially, the madrasah was located in the Davlikamovs' own house. In 1818, the madrasah was housed in two buildings: stone and wooden ones, built by Seid Salekh Shakulov and kept in his care.

For 20 years of work as a mudarris of the Kastrovsky madrasah, F. A. Davlikamov taught more than 1000 young Muslims. The Kastrovsky madrasah was not only a local educational institution, but was also well known among the Muslims, living in different parts of the Russian Empire. Most of the madrasah's shakirds were natives from the Tatar villages of the Ryazan, Tambov, Penza, and Simbirsk provinces, moreover, shakirds from the Kazan, Astrakhan, and Ufa provinces also studied there. Among the most famous graduates of the Kastrovsky madrasah were Abdulla Shamsutdinov, the imam-khatib of the Moscow mosque on Bolshaya Tatarskaya Street (1878–1937), and Yarulla Yusupov, the imam-mukhtasib at DUMES (Central Spiritual Administration of Muslims of

Russia) for the Penza, Kuibyshev, Ulyanovsk, and Tambov regions (1880–1975).

In 1847, the Kastrovsky madrasah consisted of three departments. The first of them (Turkic) taught the alphabet, the basics of faith, the Koran and Sharia; 27 shakirds studied here. Twenty three shakirds studied in the second – Arabic – department. In the third one (the Persian department), the history of Islam, the history of the prophets, the interpretation of the Koran, geography and other disciplines were studied by six people.

The name of the madrasah is explained by the fact that from 1868 Sayfulla Mursalimovich Kastrov, the representative of a wealthy Tatar family, the owner of a merlush (lamb skin) production, became the trustee of the madrasah. Subsequently, the Kastrov family (Khairulla and Akhmed Kastrov) continued to maintain the madrasah, built a house for it not far from the Khan mosque. They paid teachers' salaries; the long-serving and leading teacher of the madrasah, Khasan Shamsutdinov, who came to Kasimov from the Laishevsky district of the Kazan province, was provided with board and lodging by the Kastrovs. Other Tatar patrons also provided financial assistance to the madrasah.

In addition to the Kastrovsky madrasah, there were two more large Muslim educational institutions in the vicinity of Kasimov. One of them – "Baymurad" – was located in the village of Chetayevo (Tat. Chutai): Ataulla Bayazitov, a famous Tatar public and religious figure, the founder of the St. Petersburg mosque (1847–1911) graduated from it. Another one was in the village of Bolotse (Tat. Javbash). This madrasah was headed by Imam Mukhametgarif Biktemirov. Muslim female education also reached great heights. Thus, a representative of the aforementioned Biktemirov family, Galimatelbanat Biktemirova (1876–1906), opened a school (mekteb) for girls in the village of Bolotse, which became widely known among the Tatars. G. Biktemirova herself was the author of essays on the role of women in the family and methods of raising orphaned children. Sagdia Khasanovna Bulatova (1882–1950), a public figure and teacher, opened the first school for girls in Kasimov. There was a rich library at the Kastrovsky madrasah. The activity of the Kasimov Tatar Theater "Chulpan", where the shakirds played, was also closely connected with the madrasah. Sagdia Bulatova and her husband, teacher Khasan Bulatov, were the most prominent figures of the urban Tatar enlightenment in Kasimov, for many years they were in close contact with Zakir Khadi.

In the Kastrovsky madrasah, which was maintained at the time of his studies by the furrier-patron Khairulla Kastrov, Zakir Khadi got the opportunity not only to find like-minded people among the educated Kasimov Tatars, but also to get acquainted with Russian culture: he read Russian novels, took private lessons in the Russian language in the city.

After the course, Zakir began teaching in the village of Muntovo, the Kasimovsky district. It is worth noting here that Bibi-Fatym Bikeyeva, the wife of the outstanding Tatar educator Khusain Faizkhanov, came from Muntovo (Tat. Myltyk).

In wealthy villages, it was a widespread practice among young Tatar intellectuals, who did not have merchant parents, to be engaged in teaching and in this way to provide for themselves. An alternative was the grueling teaching in the Kazakh steppe, depicted in detail in the memoirs of writer Saifi Kudash who was Zakir Khadi's fellow countryman: getting from one nomadic camp to another, in heat and cold (more often in the summer heat, since many teachers themselves were still shakirds and went to the steppe only during their vacation time) [Kudash]. In prosperous Tatar villages, where merchants maintained schools, the life of young teachers was different.

Here we observe similarities with the fate of other Tatar writers. In 1910, the future writer Zarif Bashiri (1888–1962), Zakir Khadi's younger contemporary, began his teaching career. Zarif Bashiri taught at a mekteb in the Kadom region neighboring Kasimov, in the village of Verki (Vəräki), the Temnikovsky district of the Tambov province (now the Kadomsky district of the Ryazan region). Writer Najib Dumawi (1883–1933) taught in the same village on the Moksha River. Owing to the support of local philanthropists engaged in fur trade, young teachers did not have to worry about their future, they were provided with salaries and housing. The local merchants promoted the welfare of women teachers as well. Thus, in the village of Dasaevo (now the Temnikovsky district of Mordovia), the Tregulovs' traders, at their own expense, financially supported a teacher who taught rural children. It is worth noting that all these mektebs were Jadid ones.

Zakir Khadi devoted a lot of effort to raising children in Muntovo while continuing his self-education. During the summer holidays, he rented an apartment in Kasimov and continued to study the Russian language. He used the money saved to travel and visit Moscow, St. Petersburg, and Ufa.

By this time, Zakir had already mastered Turkish and Arabic.

In Muntovo, in 1903, he wrote his first story "Бәхетле кыз" ("The Happy Girl"), which was published in Orenburg in 1904. Having gained life experiences, knowing well the everyday routines of different classes, having gone through a range of difficulties, and most importantly, being a teacher, at the beginning of his career Zakir Khadi believed that social ills came mainly from ignorance and lack of education. His first stories were born under the sign of educational ideas. So, in his story "The Happy Girl" the writer reflects on the purpose of man in society. Zakir Khadi shows what heights a highly educated person can reach. In his work, the writer creates the image of the clever Tatar girl Gaysha. Another character, Gabbas, goes to Kazan to get a better education. In the images of these main characters, Z. Khadi artistically embodies his dream of family happiness. During the years of study at the madrasah, Gabbas, in addition to compulsory subjects, independently studies geography, geometry, astronomy, masters oral and written speech in Russian. He returns to the village as a completely different person – cultured, educated, and his fellow villagers cannot recognize him. Thanks to hard work and dedication, he achieves material well-being.

Under the supervision of her mother, Gaysha grows up to be a well-bred and modest beauty. At the time Gabbas arrives, Gaysha is already an adult girl. They fall in love at first sight. Having proposed to Gaysha and having sworn to be faithful to her, Gabbas leaves for another village on business. In his absence, the old mullah Salim wants to take Gaysha as his second wife (a reminiscence of the classic plot). But a number of circumstances prevents the old mullah from realizing his plan, their nikah is terminated due to violations of the Sharia law. In this way, Z. Khadi opposes marriage without love.

At the end of the story, the author describes Gabbas and Gaysha's happy life. Gabbas does not want to become an imam, however he chooses a spiritual path in order to educate and change his fellow villagers for the better. At first, the villagers do not understand Gabbas's sermons at all, but, listening to his instructions, they zealously start growing bread. Over time, people believe in the preaching of their young, educated Hazrat. Gaysha turns out to be a hardworking wife. With the help of her husband, she starts teaching the village girls to read and write. Z. Khadi cites as an example Gabbas and Gaysha's family, in which the children

grow up to be hardworking, diligent, and obedient people.

His successful debut was followed by the stories “Официант” (“The Waiter”), “Хәер дога”. The publication of the story “Несчастливая девушка” (“The Unhappy Girl”) (1905) coincided with Zakir’s departure to Odessa, where he continued to teach at the Tatar new-method school. His departure to Odessa opened for Zakir Khadi a completely different world of the southern multinational city, where in the local Tatar community there were many people from the Ryazan, Tambov, and Penza provinces who were close to him.

Depicting the tragic fate of his main character Hanifa in the story “The Unhappy Girl”, Khadi protests against injustice. Treating the main character with sympathy, the writer speaks more than ironically of the mullah’s ignorance. This person characterizes himself: “If an ordinary man is educated, he will unravel the mullahs’ tricks. The peasant does not need a diploma at all, only the children of the clergy are worthy of education” [Mutalov, p. 111]. In his critical depiction of the mullah, Zakir Khadi, who knew well the life in madrasahs (albeit advanced ones for his time), followed the tradition of Tatar literature. Obviously, these motifs (later interpreted as “anticlerical”) influenced the favorable attitude towards Zakir Khadi in Soviet literary criticism, or rather contributed to the preservation of his name.

The port of Odessa had a prosperous Tatar community, it was an important point on the way of Muslim pilgrims from the inner provinces of Russia to the place of the Hajj. The city had a caravanserai; after quarantine in Odessa, pilgrims crossed the borders of the Russian Empire and headed towards Istanbul (and further to Hejaz). There was a mosque on Staroportofrankovskaya Street, next to the Muslim cemetery (where Muslim pilgrims who died in the city were buried). In Odessa, Tatar shops and bakeries could be seen.

However, it was in this warm, lively, multilingual city that Zakir experienced a strong emotional shock. In October 1905, on the wave of the revolution, he witnessed a large-scale Jewish pogrom that took place in Odessa with the indifference of the provincial authorities. Moreover, when suppressing the revolution, the regular troops actually attacked not the pogromists, but the Odessa Jewish self-defense groups, protecting women and children.

The protagonist of the story “Magsum” is the son of the pious and loving Fakhriislam-khazret and Badrelhayat-abystay. After his parents’ death, at the age of twelve, he is forced to go and study in

another village. There, because of the influence of those around him, Magsum grows embittered and hardened, getting involved in fights and conflicts. One winter he catches a bad cold. He cannot recover from his illness and dies at the age of twenty. Thus, in his story, Z. Khadi describes the process of the moral fall of a once pure child, emphasizing the fact that the difficult moral conditions of life in some madrasahs have a tragic effect on the shakirds.

Social ideas get more attention in his story “Үәңә әшәбә кәһәф” (“New Inhabitants of the Cave”), which uses the motif of Sura 18 from the Al-Kahf Koran (“The Cave”) about people who defend their faith in one God during the persecution and whom Allah hides in a cave for many years. In the story, the shelter becomes not a blessing, but a source of suffering.

The main characters of Zakir Khadi’s story – the young men Safargali and Minleshah, who are tired of the hopeless and hard life in the village, set out on a journey to enroll in a madrasah. Once in the Ishan’s madrasah, they spend thirty years there, working tirelessly on his farm from early spring to late autumn, and studying in the madrasah in winter. On returning home, they are forced to go back to the cave-madrasah. It turns out that while the eternal shakirds live with the Ishan, times have changed, newspapers and magazines have appeared, and the rays of enlightenment have penetrated the people’s lives. Thus, the main characters, having turned into useless inhabitants of the cave, have spent their lives in vain and die one after another.

In his story “Jigansha Hazrat”, Zakir Khadi continues to denounce the Ishans, who urged people to abandon worries about worldly life and think only about the other world, thus dooming them to poverty and misery. However, contrary to the ideas of Soviet literary critics, concerning the anticlerical nature of Tatar writers’ works in the early 20th century, they, being Muslim believers, did not want to insult the religion and its servants, to expose the mullahs as such, and did not allow insulting Islam. When reading the works of Gayaz Iskhaki, Fatih Karimi and other contemporaries of Zakir Khadi (Mazhit Gafuri stands apart here), we feel the context of the time, the confrontation of the two trends in Tatar society – Kadimism and Jadidism, but not religion and atheism, as they wanted to present it in Soviet times ... Without idealizing the conditions of life and study in madrasahs, one must remember that it was confessional education that was the basis and focus of Tatar cul-

ture, and the mullah was the main educated person in the village. By depicting the Ishans as negative, ignorant characters, Tatar writers reflected the critical attitude of the Jadid intelligentsia to Sufism in their works. In addition, the genre of these works, with their contrasting, “black and white” images of positive and negative characters, in many ways reflected the didactic nature of educational realism.

Likewise, Zakir Khadi, together with the image of Ishan Djiganshi, devoted a lot of space to the images of smart and sober-minded people opposing the negative character. One of them is Hasan-mullah, who spreads education among the people. As a result of his educational activities, the villagers begin to grow a lot of grain, successfully conducting trade, and living better than before. In all these, the author sees the results of the efforts and deeds of Hasan-mullah.

The story “Jigansha Hazrat” was republished in 2001 [Gadi, 2001]. In general, for the first time, the story and Zaki Khadi’s selected stories in Cyrillic were published in Kazan in the Thaw Year of 1957 [Hadi, 1957] – most modern readers know the prose of Zakir Khadi according to this publication. It is worth noting here that it is owing to the famous Tatar literary critic M. Kh. Gainullin that the collection was prepared and the name of Zakir Khadi was “legitimized” in the history of Tatar literature.

In 2018, a collection of Zakir Khadi’s works, translated into the Bashkir language, was published in Ufa [hazı, 2018]. In the literary works devoted to Z. Khadi, Ufa authors rank him among the Bashkir writers (along with R. Fakhretdin and others) [Mutalov, p. 4], [Sibgatov].

In her article, Alfina Sibgatullina, Doctor of Philology, compares Zakir Khadi’s story “Jigansha Hazrat” and the novel “Nur Baba” (1914) by the Turkish writer Yakub Kadri Karaosmanoglu [Sibgatullina, 2015]. On the whole, A. T. Sibgatullina plays an important role in the revival of interest in Z. Khadi’s work [Sibgatullina, 2014].

As noted by A. T. Sibgatullina “despite the fact that in the late 19th – early 20th centuries, at the time of active criticism of the stagnant phenomena in the spiritual sphere of Russian Muslims, a number of poetic and prose works about the Ishans were published, with the exception of the two above, it is hardly possible to find such large-scale works of art dedicated to Sufi themes in Turkic-language literatures” [Sibgatullina, 2015, p. 143]. While the character of Zakir Khadi’s story is the Ishan of the Sufi Naqshbandiyah tariqat, which is historically widespread among the Tatars and

Bashkirs, Nur Baba in the Turkish novel is an adherent of the Bektashi tariqat. The status of the characters also determines these Sufi differences. If the power of the Turkish sheikh is limited to the space of a special tekke (Sufi monastery) and extends only to its own murids, the Ural Ishan controls the life of the entire village (since Tatar-Bashkir Sufism did not develop in isolation, but was closely intertwined with the life of mosques and madrassas).

In 1914–1918, Zakir Khadi taught in Kharkov, where a large Tatar community was formed in those years. It consisted mainly of immigrants from the Penza province and the Kasimov Tatars. It is noticeable that in the geography of his wanderings, Zakir Khadi relied on the support of the Kasimovites and came to teach in cities (Odessa, Kharkov) where they could help him. However, the Civil War began and Zakir Khadi, in the years of famine, preferred to leave the large front-line Kharkov, which passed from hand to hand. In the chaos of war, he sought peace in his native Bashkiria and, in 1918, despite the unfolding hostilities, via Ukraine, the south of Russia, and the entire Volga region, he returned to his homeland.

It is generally accepted that in 1919–1920, Zakir Khadi taught in the village of Bursyk (Barsukovo, the Sharansky district of Bashkortostan), eight kilometers from his native village Eremkino, and it was in 1921–1922 that he lived in his native village. However, in the photograph, dated 1919, which we discovered in the funds of the Kasimov Historical and Cultural Museum-Reserve, we see the participants of the Congress of the Tatar School Teachers from the Kasimov district; Zakir Khadi is clearly visible in the center of the photograph, sitting next to the aforementioned Sagdiya Bulatova. It is possible (although unlikely) that he specially visited Kasimov to participate and report at this congress. After the end of the Civil War, Zakir Khadi left for Kasimov, which was so close to him. He found work as a teacher in the suburban village of Tsaritsyno (Tat. Biem Sala). The Russian name of this village reminded of the late 17th century, when it was the summer residence of the last Kasimov khansha Fatima-Sultan (or, as the Russian residents used to call her, “Queen Fatima Saltan Seyidovna”).

In the first Soviet decade, there were several Tatar schools supervised by Sagdiya Bulatova in the Kasimov district. A department was opened at the Kasimov Pedagogical College that trained teachers for Tatar Soviet schools. Despite the fact that by the end of his life Khadi was practically

blind, he continued to actively participate in the enlightenment and educational life of Kasimov and the district.

In 1930, Zakir Khadi moved from the village to the Tatar settlement of Kasimov, where he lived for three years and died on April 14, 1933. The writer was buried in the Tatar cemetery of Kasimov, however, unfortunately, his grave has not been found yet, since the study of the monuments with Arabic texts has begun relatively recently. Khadi's daughter, Raisa Zakirovna Gadeeva, continued her father's work, she became a teacher. In 1938, she left to work in a Tatar school in the Perevolotsk district of the Orenburg region.

House No. 34 on Lenin Street in Kasimov, where Zakir Khadi lived in 1930–1933, has survived and is still a spacious wooden frame, sheathed with boards, standing on a high white-stone plinth. In old Kasimov, this street was called Chernovskaya, Zagorodnaya.

Zakir Khadi's life was inextricably linked with the national education system. The writer – a graduate of the Kastorsky madrasah – combined his literary work with teaching. In a number of his works, teachers are found among the characters, the plots are based on the stories of their characters getting an education, on the activities of the madrasahs, and the problems are formulated under the sign of enlightenment.

Acknowledgments: The author thanks T. A. Pronina, the senior researcher, chief custodian of the funds, and the staff of the Kasimov Museum of Local Lore in 1994–2014 for the valuable biographical information provided.

References

Kudash, S. (1974). *Navstrechu vesne. Nezabyvaemye minuty. Po sledam iunosti* [Towards Spring. Unforgettable Minutes. In the Footsteps of

Youth]. Perevod s bashkirskogo. 560 p. Moscow, Sovetskiy pisatel'. (In Russian)

Mutalov, I. G. (2017). *Prosvetitel'stvo i kontseptsii prosveshchennogo cheloveka v bashkirskoi literature kontsa XIX – nachala XX veka: dis. ... kand. filol. nauk* [Enlightenment and the Concept of an Enlightened Person in the Bashkir Literature of the late 19th – early 20th Centuries: Ph.D. Thesis]. Ufa, 172 p. (In Russian)

Safarov, M. A. (2009). *Kastrovskie medrese. Islam v tsentral'no-evropeiskoi chasti Rossii: entsiklopedicheskii slovar'* [Kastrovsky Madrasahs. Islam in the Central European part of Russia: An Encyclopedic Dictionary]. Sost. i otv. red. D. Z. Khairetdinov. Pp. 133–134. Moscow-N. Novgorod, ID "Medina". (In Russian)

Sibgatov, F. Sh. (2017). *Osobennosti kontseptsii geroia v proizvedeniiakh Zakira Khadi* [Features of the Concept "Hero" in the Works of Zakir Khadi]. Problemy vostokovedeniia: nauchnyi zhurnal (gumanitarnogo, sotsial'no-ekonomicheskogo i politiko-pravovogo napravlenii). No. 4, pp. 70–74. (In Russian)

Sibgatullina, A. T. (2014). *Osobennosti tipizatsii v proizvedenii Z. Khadi "Dzhikhansha khazrat"* [Features of Typification in Z. Khadi's Work "Jihansha Khazrat"]. Problemy filologii narodov Povolzh'ia. Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. (17–19 apreliia 2014 g.). Vypusk 8, pp. 175–182. Moscow, Filologicheskii fakul'tet MPGU. (In Russian)

Sibgatullina, A. T. (2015). *Portret porochnogo sufiia v literature: sravnitel'nyi analiz proizvedenii Z. Khadi i Ya. Kadri Karaosmanoglu* [A Portrait of a Vicious Sufi in Literature: A Comparative Analysis of Z. Hadi and J. Kadri Karaosmanoglu's Works]. Tiurkomusul'manskii mir: identichnost', nasledie i perspektivy izucheniia. K 80-letiiu professora M. A. Usmanova. Sbornik statei. Kazan'i Kazanskii universitet, pp. 143–154. (In Russian)

hadi, Z. (2001). *Жиһанша хәзрәт* [Biography]. Karurmanny chykkan chakta... XIX gasyr әдәбияты. Pp. 214–234. Kazan, Məgarif. (In Tatar)

hadi, Z. (1957). *Saylanma әsәrlär* [Selected Works]. 186 p. Kazan, Tatar kitap nәshriyatı. (In Tatar)

hazl, Z. (2018). *Haylanma әçrär* [Selected Works]. Avtor-tözөyse G. Kh. Abrafikova. 175 p. Офе, Matbuғat don"yahy. (In Bashkir)

РОЛЬ ТАТАРСКИХ МЕДРЕСЕ В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ ЗАКИРА ХАДИ (1863–1933)

Марат Абясович Сафаров,

Институт экономики и управления в промышленности,
Россия, 105203, г. Москва, ул. 15-я Парковая, д. 8,
safarov84@mail.ru.

В статье систематизированы материалы о жизни и деятельности татарского писателя Закира Хади (1863–1933), выявлена роль татарских медресе в становлении его личности и формировании

нии мировоззрения. Пристальное внимание уделяется векам педагогической биографии Закира Хади. В работе дается краткая характеристика учебным заведениям, где ему довелось учительствовать.

Доказано, что на идейную направленность произведений писателя, находившихся в русле татарского просветительского реализма, повлияла принадлежность автора к кругу джадидской интеллигенции. Повесть Закира Хади «Джиганша хазрат» была с большим интересом встречена татарским читателем. Успех сопровождал и другие произведения писателя. Творчество Закира Хади высоко оценивали Габдулла Тукай, Фатих Амирхан и другие выдающиеся современники. Став профессиональным прозаиком, Закир Хади продолжал оставаться тесно связанным с системой татарского новометодного образования.

Ключевые слова: Закир Хади, татарская литература, медресе, Касимов, джадидизм.

Закир Хади (Закир Мухамедгадеевич Гаде-ев) родился в марте 1863 года в деревне Еремкино (Ярэмкэ) Белебеевского уезда Уфимской губернии (ныне Шаранского района Башкортостана) в семье крестьянина. Отец самостоятельно овладел грамотой, зимой обучал деревенских детей в мектебе, а летом занимался хлебопашеством и бортничеством. Именно отец обучил Закира арабскому алфавиту и способствовал тому, чтобы сын продолжил обучение и получил образование. С 1875 года Закир учился в известном медресе села Тумутук Бугульминского уезда Самарской губернии. В этом большом азнакаевском селе шакирд Закир встретил главного учителя своей жизни – прогрессивного учителя Хуснулгату Муратаева. Он станет для Закира подлинным наставником, привившим ему любовь к чтению. Приезжий учитель, находившийся под влиянием сочинений Марджани, не ограничивался лишь религиозными предметами, а преподавал шакирдам и светские науки. Именно Муратаев определил выбор юношей будущей профессии учителя.

В 1885 году Закир Хади после почти десятилетнего пребывания в Тумутукском медресе решает вырваться из привычного деревенского мира и уезжает в Нижний Новгород, на ярмарку, которую татары называли Макарьевской (Мәкәржә ярминкәсе). Здесь Закир хотел познакомиться с татарами, которые могли бы указать ему место дальнейшего обучения. Существовать в большом губернском городе на скромные деньги, присылаемые из дома, было невозможно, поэтому Закир несколько лет работал на кожевенном производстве. Там же он узнал о Кастровском медресе, расположенном в Касимове, где преподавание велось по новому методу. Это медресе станет судьбоносным в жизни писателя.

Вторая половина XIX века считается особым периодом в истории национального возрождения татар Рязанской и Тамбовской губерний (именно на этой территории располагалось

когда-то Касимовское ханство). Купеческий Касимов становится одним из центров татарской культуры. Кастровское медресе было основано значительно раньше, в 1808 году, стараниями имам-хатыба Ханской мечети Касимова Абдулвахита Исмагиловича Давликамова при материальной поддержке богатых прихожан Ханской мечети, в том числе сеидов Шакуловых. Оставаясь на протяжении более ста лет имам-хатыбами Ханской мечети, династия Давликамовых руководила деятельностью медресе.

Особую роль в развитии медресе сыграл сын основателя – Фазлулла Абдулвахитович Давликамов, избранный вторым имамом Ханской мечети в 1827 году. Главной целью мударриса являлось, по его собственным словам, «...обучение полезным наукам юношества, которые остались бы без просвещения и познания необходимого для человечества, в отношении религии и благонравной жизни, но закостенева-ли бы в невежде и безнравственности, без ясного познания Всевышнего Творца Вселенной, его творений и самих себя...» [Сафаров, с. 133].

Первоначально медресе располагалось в собственном доме Давликамовых. В 1818 году медресе размещалось в двух зданиях: каменном и деревянном, построенных сеидом Салехом Шакуловым и содержащихся на его попечении.

Ф. А. Давликамов за 20 лет работы мударрисом Кастровского медресе обучил более 1000 молодых мусульман. Кастровское медресе являлось учебным заведением не только локального масштаба, а было хорошо известно среди мусульман, живших в разных частях Российской империи. Большинство шакирдов медресе составляли выходцы из татарских сел Рязанской, Тамбовской, Пензенской и Симбирской губерний, однако учились шакирды и из Казани, Астрахани, Уфимской губернии. Среди наиболее известных выпускников Кастровского медресе – имам-хатыб Московской мечети на Большой Татарской улице Абдулла Шамсутди-

нов (1878–1937) и имам-мухтасиб ДУМЕС по Пензенской, Куйбышевской, Ульяновской и Тамбовской областям Ярулла Юсупов (1880–1975).

В 1847 году Кастровское медресе состояло из трех отделений. На первом из них (тюркском) обучали азбуке, основам веры, Корану и шариату; здесь обучалось 27 шакирдов. На втором – арабском – отделении учились 23 шакирда. На третьем (персидском) историю ислама, историю пророков, толкование Корана, географию и другие дисциплины изучали 6 человек.

Название медресе связано с тем, что с 1868 года попечителем медресе стал представитель богатой татарской семьи Сайфулла Мурсалимович Кастров – владелец мерлушечного производства. В последующем семья Кастровых (Хайрулла и Ахмед Кастровы) продолжала содержать медресе, построила здание для него неподалеку от Ханской мечети. Они оплачивали жалованье преподавателям; на пансионе Кастровых жил ведущий педагог медресе Хасан Шамсутдинов, приехавший в Касимов из Лаишевского уезда Казанской губернии. Финансовую помощь медресе оказывали и другие татарские меценаты.

Помимо Кастровского медресе, в окрестностях Касимова действовало еще два крупных мусульманских учебных заведения. Одно из них – «Баймурад» – было расположено в деревне Четаево (тат. Чутай): его окончил знаменитый татарский общественный и религиозный деятель, основатель Санкт-Петербургской мечети Атаулла Баязитов (1847–1911). Другое находилось в деревне Болотце (тат. Джавбаш). Этим медресе руководил имам Мухаметгариф Биктемиров. Высокого уровня достигло и мусульманское женское образование. Так, представительница упомянутого рода Биктемировых Галимательбанат Биктемирова (1876–1906) в деревне Болотце открыла школу (мектеб) для девочек, получившую широкую известность среди татар. Сама Г. Биктемирова была автором сочинений, посвященных роли женщины в семье, методам воспитания осиротевших детей. Общественный деятель и педагог Сагдия Хасановна Булатова (1882–1950) открыла в Касимове первую школу для девочек. При Кастровском медресе существовала богатая библиотека. С медресе тесно связана и деятельность касимовского татарского театра «Чулпан», где играли шакирды. Сагдия Булатова и ее муж, учитель Хасан Булатов, были наиболее заметными фигурами городского татарского просве-

щения в Касимове, на протяжении многих лет были тесно связаны с Закиром Хади.

Закир Хади в Кастровском медресе, которое содержалось во время его ученичества меховщиком-меценатом Хайруллой Кастровым, получает возможность не только обрести единомышленников в среде образованных касимовских татар, но и познакомиться с русской культурой: читает русские романы, берет в городе частные уроки русского языка.

Учительская деятельность Закира началась в деревне Мунтово Касимовского уезда после окончания учебы на курсах. Здесь стоит отметить, что из Мунтово (тат. Мылтык) происходила жена выдающегося татарского просветителя Хусаина Фаизханова Биби-Фатыма Бикеева.

Учительство в зажиточных деревнях было распространенной практикой среди молодых татарских интеллигентов, не имевших купеческих родителей и обеспечивавших себя самостоятельно. Альтернатива – изнурительное преподавание в казахской степи, подробно показанное в воспоминаниях земляка Закира Хади, писателя Сайфи Кудаша: переход из одного кочевья в другое, в жару и холод (чаще именно в летнюю жару, поскольку многие учителя сами еще были шакирдами и выезжали в степь лишь во время каникул) [Кудаш]. В зажиточных татарских деревнях, где школы содержали купцы, жизнь молодых учителей была иной.

Здесь возникает перекличка с судьбами других татарских литераторов. В 1910 году начал свое учительство младший современник Закира Хади – будущий писатель Зариф Башири (1888–1962). Зариф Башири преподавал в мектебе в соседнем с касимовским кадомском крае, в деревне Верки (Вэрэки) Темниковского уезда Тамбовской губернии (ныне Кадомский район Рязанской области). В этой же деревне на реке Мокша преподавал и писатель Наджиб Думави (1883–1933). Пользуясь поддержкой местных благотворителей, связанных с меховой торговлей, молодые учителя могли не беспокоиться о своем завтрашнем дне, обеспечивались жалованьем и жильем. Местные купцы содействовали бытовому устройству и женщин-учителей. Так, в деревне Дасаево (ныне Темниковского района Мордовии) торговцы Трегуловы на свои средства содержали учительницу, обучавшую сельских детей. Стоит особо подчеркнуть, что все перечисленные мектебы были джадидскими.

Закир Хади много сил отдавал воспитанию детей в Мунтово, одновременно продолжая заниматься самообразованием. В летние каникулы, снимая квартиру в Касимове, он продолжает изучение русского языка, на отложенные средства путешествует, посещает Москву, Санкт-Петербург, Уфу. К этому времени Закир уже в совершенстве знал турецкий и арабский языки.

В Мунтово в 1903 году написан его первый рассказ «Бэхетле кыз» («Счастливая девушка»), который был опубликован в 1904 году в Оренбурге. Много пережив, хорошо зная быт разных сословий, пройдя через трудности и главное – будучи учителем, Закир Хади в начале творческого пути считал, что болезни общества происходят в основном от невежества и необразованности. Его первые рассказы родились под знаком просветительских идей. Так, в повести «Счастливая девушка» писатель размышляет о предназначении человека в обществе. Закир Хади показывает, каких высот может достичь высокообразованный человек. В произведении он рисует образ смысленной татарской девушки Гайши. Другой герой, Габбас, во имя получения лучшего образования едет в Казань. В образах этих главных героев З. Хади художественно воплотил свою мечту о семейном счастье. Габбас за годы учебы в медресе, помимо обязательных предметов, самостоятельно изучил географию, геометрию, астрономию, овладел устной и письменной речью на русском. Он вернулся в деревню совершенно другим человеком – культурным, образованным, односельчане даже не узнали его. Благодаря трудолюбию и целеустремленности, он достиг материального благополучия.

Гайша же под надзором своей матери выросла благовоспитанной и скромной красавицей. К приезду Габбаса Гайша была уже взрослой девушкой. Они влюбились друг в друга с первого взгляда. Габбас, дав клятву верности и предложив Гайше стать его женой, уехал по делам в другую деревню. В его отсутствие старый мулла Салим захотел взять Гайшу себе второй женой (реминисценция классического сюжета). Но ряд обстоятельств помешал замыслу старого муллы, их никах был расторгнут вследствие нарушений законов шариата. Так Закир Хади выступает против брака без любви.

В конце рассказа описывается счастливая жизнь Габбаса и Гайши. Габбас не хотел становиться имамом, но все же выбирает духовную стезю, чтобы взяться за образование и перевос-

питание односельчан. Сельчане сначала совсем не понимали проповедей Габбаса, но, прислушавшись к его наставлениям, с усердием занялись выращиванием хлеба. Со временем люди поверили проповедям своего молодого образованного хазрата. Гайша оказалась трудолюбивой женой. При помощи мужа она начала обучать грамоте деревенских девочек. З. Хади ставит в пример семью Габбаса и Гайши, в которой дети росли старательными, усердными и послушными.

За удачным дебютом последовали рассказы «Официант», «Хэер дога». Выход в свет рассказа «Несчастливая девушка» совпадает с отъездом Закира в 1905 году в Одессу, где он продолжает учительствовать в татарской новометодной школе. Отъезд в Одессу, где в местной татарской общине было много близких Закиру Хади выходцев из Рязанской, Тамбовской и Пензенской губерний, открыл для него совсем иной мир южного многонационального города.

Изображая в рассказе «Несчастливая девушка» трагическую судьбу героини Ханифы, Хади протестует против несправедливости. Относясь с сочувствием к главной героине, писатель более чем иронично говорит о невежестве муллы. Этот герой сам характеризует себя: «Если мужика обучать, он разгадает проделки мулл. Грамота мужику совсем не нужна, образования достойны только дети духовенства» [Муталов, с. 111]. В критическом изображении муллы Закир Хади, хорошо знавший жизнь медресе (пусть и передовых для своего времени), следовал традиции татарской литературы. Очевидно, что эти мотивы (интерпретированные позднее в качестве «антиклерикальных») повлияли на благоприятное отношение к Закиру Хади в советском литературоведении, а точнее на сохранение его имени.

В портовой Одессе – важном пункте движения мусульманских паломников из внутренних губерний России в хадж – сложилась зажиточная татарская община. В городе находился караван-сарай, паломники после карантина в Одессе покидали пределы Российской империи и направлялись в Стамбул (и далее в Хиджаз). На Старопортофранковской улице рядом с мусульманским кладбищем (где, кстати, хоронили и умиравших в городе мусульманских паломников) находилась мечеть. В Одессе были заметны татарские лавки и пекарни.

Однако именно в этом теплом, оживленном, разноязычном городе Закиру довелось испытать сильное эмоциональное потрясение. В ок-

тябре 1905 года, на волне революции, при равнодушии губернских властей в Одессе произошел масштабный еврейский погром, свидетелем которого он стал. Более того, подавляя революцию, регулярные войска фактически атаковали не погромщиков, а группы одесской еврейской самообороны, защищавших женщин и детей. После этих событий у Закира на всю жизнь осталось неприятие монархизма, далекий от политики татарский литератор стал критично воспринимать действительность. Закир Хади пишет большую повесть о жестокости властей и пытается издать ее в Оренбурге. Однако к печати «крамольную» рукопись не приняли. Не была издана и поэма Хади, написанная на тему русско-японской войны. К сожалению, рукописи обоих произведений пропали. В дальнейшем Закир Хади публикуется уже не Оренбурге, а в Казани, где вышли его рассказы «Магсум» (1906), «Новые хозяева пещеры» (1908) и главное произведение жизни – повесть «Джиганша хазрат» (1909). В 1908 году недолгое время (возможно, в связи с издательскими делами) Закир Хади живет в Казани.

Главный герой рассказа «Магсум» – сын благочестивых и женившихся по любви Факрислама-хазрета и Бадрельхат-абыстай. После смерти родителей он в двенадцатилетнем возрасте вынужден был уехать учиться в другую деревню. Там под влиянием окружения Магсум озлобился, ожесточился, ввязываясь в драки, конфликты. Однажды зимой он сильно простудился. Так и не оправившись от болезни, умер в двадцатилетнем возрасте. Таким образом, З. Хади в своем рассказе, описав процесс нравственного падения некогда чистого ребенка, подчеркивает тот факт, что тяжелые моральные условия жизни в некоторых медресе оказывают трагическое воздействие на шакирдов.

Социальные идеи усиливаются и в его рассказе «Яңа эсхабе кәһәф» («Новые обитатели пещеры»), где использован мотив 18 суры Корана Аль-Кахф («Пещера») о людях, которые защищали свою веру в единого Бога во время преследований и которых Аллах укрыл в пещере на многие годы. В рассказе же укрытие становится не благом, а источником страданий.

Главные герои рассказа Закира Хади – юноши Сафаргали и Минлешах, которым надоела беспросветная и тяжелая жизнь в деревне, пускаются в путь, чтобы поступить учиться в медресе. Оказавшись в медресе ишана, они провели в нем тридцать лет, работая не покладая рук на его хуторе с ранней весны до позд-

ней осени, а зимой учась в медресе. Вернувшись домой, они вынуждены были снова уйти в пещеру-медресе. Оказалось, что, пока шакирды жили у ишана, времена изменились, появились газеты и журналы, и лучи просвещения начали проникать в народ. А герои, превратившись в бесполезных для общества обитателей пещеры, провели жизнь впустую, умерли один за другим.

И в повести «Джиганша хазрат» Закир Хади продолжает обличать ишанов, призывающих людей отказаться от забот о мирской жизни и думать лишь о потусторонней и таким образом обрекающих их на бедность и нищету. Впрочем, вопреки представлениям советских литературоведов об антиклерикальном характере произведений татарских литераторов начала XX века, писатели, будучи верующими мусульманами, не желали нанести оскорбление религии и ее служителям, изобличать мулл как таковых, не допускали оскорбления ислама. При чтении произведений Гаяза Исхаки, Фатиха Карими и других современников Закира Хади (Мажит Гафури все же стоит здесь особняком) ощущается контекст времени, противостояние в татарском обществе двух течений – кадимизма и джадидизма, а не религии и атеизма, как хотели это представить в советское время. Не идеализируя условия быта и учебы в медресе, надо помнить, что именно конфессиональное образование было основой и средоточием татарской культуры, а мулла – главным образованным человеком в деревне. Показ же ишанов в качестве отрицательных, невежественных персонажей в произведениях татарских писателей отражал и критическое отношение джадидской интеллигенции к суфизму. Кроме того, и жанрово данные произведения, с их контрастным, «черно-белым» изображением положительного и отрицательного героя, во многом отражали дидактичность просветительского реализма.

Так и Закир Хади вместе с изображением образа ишана Джиганши много места уделил изображению умных и трезвомыслящих людей, противостоящих отрицательному персонажу. Одним из таких является Хасан-мулла, который взялся за распространение просвещения в народе. В результате его просветительской деятельности сельчане стали выращивать много хлеба, успешно вести торговлю, стали жить лучше прежнего. Во всем этом автор видит результаты стараний и дел Хасана-муллы.

Повесть «Джиганша хазрат» была переиздана в 2001 году [Хади, 2001]. В целом же первая публикация повести и избранных рассказов Заки Хади на кириллице была осуществлена в Казани в оттепельном 1957 году [Хади, 1957] – по этому изданию большинство современных читателей знает прозу Закира Хади. Здесь стоит особо отметить заслугу известного татарского литературоведа М. Х. Гайнуллина в подготовке сборника и «легитимации» имени Закира Хади в истории татарской литературы.

В 2018 году в Уфе вышел сборник Закира Хади в переводе на башкирский язык [Хази, 2018]. Характерной чертой посвященных Закиру Хади литературоведческих работ уфимских авторов является причисление его к башкирским писателям (наряду с Р. Фахретдином и др.) [Муталов, с. 4], [Сибгатов].

Доктор филологических наук Альфина Сибгатуллина в своей статье сравнивает повесть Закира Хади «Джиганша хазрат» и роман турецкого писателя Якуба Кадри Караосманоглу «Нур Баба» (1914) [Сибгатуллина, 2015], ей принадлежит важнейшая роль в возрождении интереса к творчеству З. Хади [Сибгатуллина, 2014].

Как отмечает А. Т. Сибгатуллина, «несмотря на то, что в пору активной критики застойных явлений в духовной сфере российских мусульман в конце XIX – начале XX вв. был опубликован ряд стихотворных и прозаических сочинений об ишанах, за исключением двух вышеназванных, едва ли в тюркоязычных литературах можно найти такого рода масштабные художественные произведения, посвященные суфийской тематике» [Сибгатуллина, 2015, с. 143]. Если герой повести Закира Хади – ишан суфийского тариката накшбандия – исторически распространенного среди татар и башкир, то Нур Баба в турецком романе – приверженец тариката бекташи. Эти суфийские отличия определяет и статус героев. Если власть турецкого шейха ограничивается пространством специального текке (суфийской обители) и распространяется лишь на своих мюридов, то приуральский ишан контролирует жизнь всей деревни (поскольку татаро-башкирский суфизм не развивался обособленно, а был тесно переплетен с жизнью мечетей и медресе).

В 1914–1918 гг. Закир Хади преподает в Харькове, где в те годы образовалась многочисленная татарская община, состоявшая в основном из выходцев из Пензенской губернии, а также касимовских татар. Заметно, что в гео-

графии своих странствий Закир Хади опирался на поддержку касимовцев и приезжал учительствовать в города (Одессу, Харьков), где они могли оказать ему помощь. Однако началась Гражданская война, и Закир Хади предпочел в голодные годы покинуть большой прифронтовой Харьков, переходивший из рук в руки. В условиях хаоса войны он ищет покой в родной Башкирии и, несмотря на разворачивание боевых действий, в 1918 году через Украину, юг России и все Поволжье возвращается на родину.

Принято считать, что в 1919–1920 гг. Закир Хади учительствовал в деревне Бурсык (Барсуково Шаранского района Башкортостана), в 8 километрах от своей родной деревни Еремкино, а в 1921–1922 гг. он жил уже в родной деревне. Однако на обнаруженной нами в фондах Касимовского историко-культурного музея-заповедника фотографии, датированной 1919 годом, где были изображены участники съезда учителей татарских школ Касимовского уезда, в центре снимка явно заметно Закир Хади, сидящий рядом с упомянутой выше Сагдией Булатовой. Возможно (хотя и маловероятно), что он специально посетил Касимов для участия и доклада на этом съезде. После завершения Гражданской войны Закир Хади уезжает в столь близкий ему Касимов. Он находит работу учителя в пригородной деревне Царицыно (тат. Бием сала). Русское название этой деревни напоминало о конце XVII века, когда здесь находилась летняя резиденция последней касимовской ханши Фатимы-Султан (или, как ее называли русские жители, «царицы Фатимы Салтан Сеидовны»).

В первое советское десятилетие в Касимовском уезде действовало несколько татарских школ, которые курировала Сагдия Булатова. При Касимовском педагогическом техникуме было открыто тогда отделение, готовившее учителей для татарских советских школ. Несмотря на то что к концу жизни Хади практически ослеп, он продолжал активно участвовать в просветительской и образовательной жизни Касимова и уезда.

В 1930 году Закир Хади перебирается из деревни в Татарскую слободу Касимова, где прожил 3 года и умер 14 апреля 1933 года. Похоронен писатель на татарском кладбище Касимова, однако, к сожалению, его могила пока не выявлена, так как изучение памятников с арабографическими текстами начато сравнительно недавно. Дочь Хади, Раиса Закировна

Гадеева, продолжила дело своего отца, стала учительницей, в 1938 году уехала работать в татарскую школу в Переволоцкий район Оренбургской области.

Дом № 34 по улице Ленина в Касимове, где в 1930–1933 гг. жил Закир Хади, сохранился и представляет собой просторный деревянный сруб, обшитый тесом, стоящий на высоком белокаменном цоколе. В старом Касимове эта улица именовалась Черновской, Загородной.

Жизнь Закира Хади была неразрывно связана с системой национального образования. Писатель – выпускник Касторского медресе – свое литературное творчество совмещал с учительством. В целом ряде его произведений в системе персонажей встречаются учителя, основой сюжетов становится история получения героями образования, деятельность медресе, а проблематика сформулирована под знаком просветительства.

Благодарность: Автор благодарит за предоставленные ценные биографические сведения старшего научного сотрудника, главного хранителя фондов Касимовского краеведческого музея в 1994–2014 гг. Т. А. Пронину и коллектив музея.

Литература

Кудаш С. Навстречу весне. Незабываемые минуты. По следам юности. Перевод с башкирского. М.: Советский писатель. 1974, 560 с.

Муталов И. Г. Просветительство и концепция просвещенного человека в башкирской литературе конца XIX – начала XX века: дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2017. 172 с.

Сафаров М. А. Кастровское медресе // Ислам в центрально-европейской части России: энциклопедический словарь / сост. и отв. ред. Д. З. Хайретдинов. М.-Н. Новгород: ИД «Медина» 2009. С. 133–134.

Сибгатов Ф. Ш. Особенности концепции героя в произведениях Закира Хади // Проблемы востоковедения: научный журнал (гуманитарного, социально-экономического и политико-правового направлений) 2017. № 4. С. 70–74.

Сибгатуллина А. Т. Особенности типизации в произведении З. Хади «Джиханша хазрат» // Проблемы филологии народов Поволжья. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. (17–19 апреля 2014 г.). Выпуск 8. М.: Филологический факультет МПГУ, 2014. С. 175–182.

Сибгатуллина А. Т. Портрет порочного суфия в литературе: сравнительный анализ произведений З. Хади и Я. Кадри Караосманоглу // Тюркомусульманский мир: идентичность, наследие и перспективы изучения. К 80-летию профессора М. А. Усманова: Сборник статей. Казань: Казанский университет, 2015. С. 143–154.

Хади З. Жиһанша хэзрэт // Карурманны чыккан чакта... XIX гасыр әдәбияты. Казан: Мәгариф, 2001. Б. 214–234.

Хади З. Сайланма әсәрләр. Казан: Татар китап нәшрияты, 1957. 186 б.

Һази З. Найланма әсәрзәр / Автор-төзөүсе Г. Х. Абрафикова. Өфө: Матбугат доньяһы, 2018. 175 с.

ЗАКИР ҖАДИНЫҢ (1863–1933) ТОРМЫШЫ ҺӘМ ИҖАТЫНДА ТАТАР МӘДРЭСЭЛӘРЕНЕҢ РОЛЕ

Марат Абас улы Сәфәров,

Сәнәгатьтә икътисад һәм идарә итү институты,
Россия, 105203, Мәскәү ш., 15 нче Парк ур., 8 нче йорт,
safarov84@mail.ru.

Мәкаләдә татар язучысы Закир Җадинең (1863–1933) тормышы һәм эшчәнлеге турында материаллар системага салынган. Аның шәхесен тәрбияләүдә һәм дөньяга карашын формалаштыруда татар мәдрәсәләренең роле ачыкланган. Мәкаләдә Закир Җадинең педагогик биографиясе мәсьәләләренә зур игътибар юнәлтелә. Автор ул укыткан уку йортларына кыскача характеристика бирә. Татар мәгърифәтчеләге рухында булган язучы әсәрләренең идея юнәлешенә авторның жәдит зыялылары арасында булуы да йогынты ясаганы исбатлана. Закир Җадинең «Жиһанша хэзрэт» повесте татар укучысында зур кызыксыну уятты. Язучының башка әсәрләре дә уңышка иреште. Габдулла Тукай, Фатих Әмирхан һәм башка күренекле замандашлары Закир Җади иҗатын югары бәяләделәр. Профессиональ прозаик булгач та, Закир Җади татар милли мәгариф системасы белән тыгыз элемтәдә яши.

Төп төшенчәләр: Закир Җади, татар әдәбияты, мәдрәсә, Касыйм, жәдитчелек.